

ФИЛОСОФИЯ РАЗРУШЕНИЯ: «КАТЕХИЗИС РЕВОЛЮЦИОНЕРА» – ТЕКСТ-УБИЙЦА

В статье проводится философский анализ «Катехизиса революционера» в свете его парадоксальности и нигилистической предельности, которые, выливаясь в систему практических действий С. Г. Нечаева, привели к убийству студента Иванова. В связи с чем актуальными становятся: выявление философского фундамента «Катехизиса революционера», а также определение его природы в плоскости текстуальности и действенности. Автор статьи предлагает рассмотреть «Катехизис революционера» как философский текст на основании наличия в нем положений, имеющих метафизические и экзистенциальные аспекты. При этом автор выделяет такие его ключевые особенности: ориентация на практику (отказ от теоретизирования в пользу действия «здесь и сейчас»), подмену цели средством (замещение ценности общего блага тотальным разрушением и парадоксальность борьбы за равенство путем формирования жесткой иерархии), а также крайний этический нигилизм и цинизм. Все это позволяет обозначить автору идейный фундамент «Катехизиса революционера» как целостную и последовательную философию разрушения. Кроме того, указанная философия рассматривается в контексте своего непосредственного воплощения, реализуемого С. Г. Нечаевым: лжи, шантажа, компрометирования, а главное – убийства. Автор статьи заключает, что невозможно исследовать «Катехизис революционера» в отрыве от фактических последствий осуществления его философии, а потому нельзя говорить лишь о его текстуальной природе, отстраненной от непосредственной жизни. Вместо этого его следует рассматривать как сплав текстуальности и действенности, которая непосредственно трансформирует бытие и влияет на жизнь людей. Таким образом, «Катехизис революционера» представляется автором статьи как текст-убийца, состоящий из философии разрушения, с одной стороны, и ее воплощения в действительность, с другой. Подобный подход позволяет не только комплексно исследовать природу «Катехизиса революционера», но и определить ряд опасностей, которые заключает в себе философия разрушения.

Ключевые слова: философия разрушения, текст-убийца, нигилизм, революция, действие, цинизм.

«Революционер – человек обреченный. У него нет ни своих интересов, ни дел, ни чувств, ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени. Все в нем поглощено единственным исключительным интересом, единою мыслью, единою страстью – революцией» [Нечаев, 1869], – так начинается совершенно небольшой по объему «Катехизис революционера», способный взбудоражить и ошеломить даже весьма искусленного читателя с самых первых строк. Читая об отказе от дружбы, любви, благодарности, чести в пользу революционного хладнокровия, ориентации на тотальное и повсеместное разрушение, а также использовании людей как расходного материала (и все это во имя человеческого блага), возникает вполне закономерный вопрос: *что за текст находится перед вами и какова его природа?* Сначала совершенно не верится, что подобное может быть написано всерьез, ведь все это больше похоже на злую шутку или же отрывок из какой-нибудь фантастической книги. Когда же мы знакомимся с жизнью и деятельностью автора (или, во всяком случае, одного из авторов, взгляды и поступки которого наиболее соответствуют постулируемым положениям текста)¹ «Катехизиса

© Гончаров С. А., 2018.

This is an open-access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License 4.0.

¹ «Катехизис революционера» не имеет абсолютно достоверного авторства: в него вошли различные идеи М. А. Бакунина, П. Н. Ткачева и С. Г. Нечаева. Но наиболее вероятная версия, которая и принимается в данной статье, что ту форму, в которой мы его знаем, он имеет благодаря Нечаеву и написан он был именно им, как и «Общие правила организации», а также «Общие правила сети для отделения». Конечно, нельзя отменять бакунинских и ткачевских влияний

революціонера» – Сергія Геннадієвича Нечаєва, то обзначений вище вопрос поднимается с новой силой и без тени усмешки, ведь оказывается, что это вовсе не шутка и не оригинальный литературный эксперимент, а что все это серьезно, и за словами следуют самые радикальные и самые страшные действия, среди которых – убийство человека.

«Катехизис революціонера» содержит ряд ярких *метафизических* и *экзистенциальных* аспектов, что позволяет рассматривать его как философский текст. Утверждение «революционер – человек обреченный», звучащее в тексте рефреном, выходит за рамки только лишь исторического или же политического заявления, оно в первую очередь выступает как заявление глубоко метафизическое. Ведь обречен революционер не просто так, а в силу того, что его дело – это тотальное разрушение, которое преподносится как базовая революционная универсалия, имеющая фундаментальный характер. Она важнее всего. Она прежде всего. Она – сакральна. Революционер же – слепое орудие в ее руках. Он не просто должен осуществлять ряд действий, подрывающих основы существующего общественного уклада, не просто идти на крайние меры, а он должен *жить* разрушением, пропуская его через себя. Таким образом, разрушение являет себя сразу в двух аспектах: с одной стороны, оно есть внешняя ценность и цель, задающая ход всей системы, а с другой, оно выступает как *Dasein* для каждого отдельного революціонера («Денно и ночью должна быть у него одна мысль, одна цель – беспощадное разрушение. Стремясь хладнокровно и неутомимо к этой цели, он должен быть всегда готов и сам погибнуть и погубить своими руками все, что мешает ее достижению» [Нечаев, 1869]).

Можно говорить о том, что характерной особенностью всей русской словесности есть ее метафизические и экзистенциальные измерения, и что даже многие революционные тексты, изначально воспринимаемые вне или около философского контекста, ими полны, а потому «Катехизис революціонера» не есть нечто исключительное и уникальное на их фоне, но действительно ли это так? Да, определенная метафизичность в формулировках и заявлениях есть во многих революционных текстах того времени, при этом это могут быть как прокламации или брошюры, так статьи или уставы, – любые преобразования в обществе мыслились тогда максимально широко и целостно, а потому политическое и социальное мешалось с религиозным и философским, создавая удивительные комплексные концепты по переустройству человеческого бытия. Но дело в том, что почти все подобные тексты, так или иначе, наряду с негативной стороной (отрицание действующего режима, определенных ценностей и т.п.) имеют положительную сторону (планы и программы по устройству более справедливого и счастливого с точки зрения революціонеров общества). Чаще всего это выражается в наличии в них определенных политических, социальных или экономических требований, которые имеют в основном исторически-прикладную направленность. Иными словами, исключительным можно считать ситуацию, когда революционный текст независимо от собственной формы был бы совершенно лишен требований положительных и не содержал бы в себе значительной степени конкретно-исторического содержания. «Катехизис революціонера» как раз и является таковым: его положения совершенно не

на нечаевские взгляды, но как дух, так и стиль «Катехизиса...» соотносятся с жизнью и деятельностью именно его, и если кто-то и может быть обозначен как его полноправный автор, то только он. Например, Пирумова Н. М., сравнивая взгляды Бакунина и Нечаева, приходит к небезосновательному выводу о том, что Бакунин вообще не имеет отношения к непосредственному авторству «Катехизиса революціонера»: «В литературе до сего времени ведутся споры о том, кому принадлежит авторство “Катехизиса”. Анализ источников, в том числе и неизвестных предыдущим исследователям, позволил мне прийти к выводу о том, что Бакунин не является автором этого документа» [Пирумова, 1970]. Позже она добавляет прекрасную мысль, на которой бы и хотелось остановиться в вопросе об авторстве «Катехизиса революціонера»: «Итак, система идей Бакунина противоположна как “Катехизису”, так и брошюре “Начало революции”. Все это творчество Нечаева. Но можно ли целиком снять ответственность со старого революціонера за появление в свет этих произведений? С нашей точки зрения – нельзя» [Пирумова, 1970].

содержат никаких положительных элементов, а основаны на чистом отрицании. И если бы не беглое упоминание России (которое могло бы быть устранено без особой потери общего смысла), то вообще сложно определить исторические координаты, в которых развертывается логика «Катехизиса...».

Показательным в этом отношении может быть сравнение «Катехизиса революционера» с достаточно близким ему по форме Бакуниным «Революционным катехизисом», а также прокламацией Петра Заичневского «Молодая Россия». Оба указанных текста, как и «Катехизис революционера», в определенной степени обладают философичностью: Бакунин провозглашает «человеческий разум единственным критерием истины», «человеческую совесть – основой справедливости», «индивидуальную и коллективную свободу – единственной создательницей порядка в человечестве» [Бакунин, 1866], а Заичневский отрицает религию «заставляющую верить в несуществующее» и семью как ячейку общества «ни одно из оснований которой не выдерживает даже поверхностной критики» [Заичневский, 1862]. Но если в «Катехизисе революционера» рефреном звучит обреченность революционера, то в «Молодой России» рефреном выступает фраза «мы требуем», за которой следует целый ряд политических, экономических и социальных требований: трансформация деспотического правления в республиканско-федеративный союз областей, выбор всех судебных властей народом, справедливое распределение налогов, заведение общественных фабрик, полное освобождение женщины и прочее [Заичневский, 1862]. Даже воинствующий и прославляющий разрушение Бакунин пишет в «Революционном катехизисе» об отмене монархии и переходе к республике, избрании народом всех общественных, судебных и гражданских служащих, реорганизации каждой страны таким образом, чтобы ключевой основой стали производительные общины и ассоциации, а также о многом другом в подобном ключе [Бакунин, 1866]. В то время как «Катехизис революционера» демонстрирует сознательный отказ от каких-либо положительных теоретических и практических построений, отдавая все на откуп народной стихии: «Будущая организация без сомнения вырабатывается из народного движения и жизни. Но это – дело будущих поколений. Наше дело – страстное, полное, повсеместное и беспощадное разрушение» [Нечаев, 1869]. Таким образом, мы можем определить исключительное и уникальное идейное содержание «Катехизиса революционера» как *философию разрушения в ее крайности и предельности*.

Рассматривая указанную философию, изложенную в «Катехизисе...» более подробно, можно выделить ряд ее стержневых особенностей. Во-первых, это отказ от всякого теоретизирования в пользу прямого действия «здесь и сейчас», что проявляется не только в упомянутом отсутствии положительных построений, но и в интересе лишь к тому, что может послужить практическим инструментом разрушения: «Революционер презирает всякое доктринерство и отказался от мирной науки, предоставляя ее будущим поколениям. Он знает только одну науку, науку разрушения. Для этого и только для этого, он изучает теперь механику, физику, химию, пожалуй медицину» [Нечаев, 1869]. Таким образом, всякие науки подчиняются одной цели – разрушению, и рассматриваются через призму полезности для ее реализации. Можно говорить, что подобная практичность настолько радикальна и зловеща, что даже внутри революционных кругов почти не имела успеха. Такой настрой не был близок желающим способствовать народному просвещению, жаждущим развивать науку, интересующимся прогрессивной литературой и западными философскими течениями, одним словом, достаточно значительной части революционно настроенной молодежи. Многие студенты хотели быть задействованными в культурном движении, образовываться сами и образовывать окружающих, вести литературную и издательскую деятельность, а все это требует времени, усилий и плавных переходов. Логика же «Катехизиса...» не терпит медлительности и лишних сомнений, *она есть прямое бьющее действие*. Хорошо подобную ситуацию иллюстрируют следующие слова Петра Верховенского из романа Ф. М. Достоевского «Бесы»: «... Минуты разговоры –

потому что не тридцать же лет опять болтать, как болтали до сих пор тридцать лет, – я вас спрашиваю, что вам милее: медленный ли путь, состоящий в сочинении социальных романов и в канцелярском предрешении судеб человеческих на тысячи лет вперед на бумаге <...> или вы держитесь решения скорого, в чем бы оно ни состояло, но которое наконец развяжет руки и даст человечеству на просторе самому социально устроиться, и уже на деле, а не на бумаге?» [Достоевский, 1993, с. 396–397]. Но не все выбирали путь поступательных изменений и отвлеченных теорий, всегда была, будет и есть иная категория людей: либо те, кого можно подчинить чужому мнению, либо отчаянные, готовые на любые действия и перевороты. К ним и обращается Петр Верховенский, к ним же обращался и Нечаев. Когда же «руки развязываются», то обычно «социально устроиться» превращается в разрушение и террор. Ведь если действовать, то действовать непременно решительно и без всяких границ. Подобную опасность предчувствовал Герцен, который, как известно, резко негативно относился к Нечаеву и его идеям, будучи при этом одним из самых главных революционных мыслителей того времени: «Наука – сила; она раскрывает отношения вещей, их законы и взаимодействия, и ей до употребления нет дела. <...> Нельзя же остановить ум, основываясь на том, что большинство не понимает, а меньшинство злоупотребляет пониманьем. <...> Дикие призывы к тому, чтобы закрыть книгу, оставить науку – и идти в какой-то бессмысленный бой разрушения, принадлежат к самой неистовой демагогии и к самой вредной. За ним так и следует разнуздание диких страстей – *le dechainement des mauvaises passions* (разгул дурных страстей – *фр.*)» [Лурье, 2001]. Но, вероятно, даже опасливый в этом отношении Герцен так до конца и не осознавал всю силу и реальную опасность нечаевщины, ведь убийство Иванова произошло уже прямо накануне его кончины, а до суда над нечаевцами он и вовсе не дожил.

Разительное отличие Герцена и Нечаева говорит о совершенной неоднородности революционных течений, их широте и многоликости. С другой же стороны, стремительный ход истории, ее смятения и перевороты часто сталкивают все в один котел. И вот в суматохе и неразберихе из первых положений часто следуют отходящие от них вторые, а за теми еще более далекие от первых третьи и т. д., а между тем, все это в определенной степени неизбежно имеет некое единство темы, времени и места. Больше всего же поразительна в этом всем та легкость и быстрота, с которой «Колокол» способен становится «Катехизисом революционера», фурийеризм – «Народной расправой», а Герцен – Нечаевым.

Во-вторых, в «Катехизисе революционера» мы сталкиваемся с ситуацией *подмены целей средствами*, что происходит с народным благом и тотальным разрушением, а также всеобщим равенством и жесткой иерархией.

С одной стороны, «Катехизис революционера» стремится устранить всякую несправедливость, преследуя идею всеобщего блага народа, а с другой – определяет собственный путь как путь насилия и террора направленного на сам же этот народ. Подобный диссонанс настолько силен, что бросается в глаза даже на фоне революционных терактов того времени. Для примера можно сравнить отношение к народу, сформулированное в «Катехизисе революционера», с отношением к народу из прокламации «Друзьям-рабочим!», написанной террористом Дмитрием Каракозовым, совершившим в 1866 году неудачное покушение на Александра II. Вот как объясняет собственный поступок Каракозов: «Грустно, тяжело мне стало, что так погибает мой любимый народ, и вот я решил уничтожить царя-злодея и самому умереть за свой любезный народ. Удастся мне мой замысел, – я умру с мыслью, что смертью своею принес пользу дорогому моему другу – русскому мужику. А не удастся, так все же я верую, что найдутся люди, которые пойдут по моему пути. Мне не удалось, – им удастся» [Каракозов, 1866]. Подобный подход конечно радикален и основан на насилии, он – планирование и реализация убийства, но разве можно представить, чтобы Каракозов, пишущий в собственной прокламации о том, как ему невыносимо смотреть на ужасную

жизнь простых людей, стал бы этих самых простых людей убивать? Представить такое теоретически можно, но это было бы крайне абсурдно. Идя на убийство, Каракозов одновременно идет и на самоубийство, его террор – это одновременно и акт принесения себя в жертву во имя провозглашаемых идеалов. Он готов уничтожить то, что кажется ему причиной всех бед, но при этом для него вся эта ситуация одновременно и ключевая трагедия всей его жизни, воспринимаемая не иначе как казнь. Возможно, он бы и не хотел подобного, ведь предполагаемый поступок сам по себе ужасен, но если Каракозов и вынужден его совершить, то готов применить его одновременно и к самому себе.

И вот Нечаев с его «Катехизисом революционера»: «У товарищества ведь <нет> другой цели, кроме полнейшего освобождения и счастья народа, то есть чернорабочего люда. Но, убежденные в том, что это освобождение и достижение этого счастья возможно только путем всеокрушающей народной революции, товарищество всеми силами и средствами будет способствовать к развитию и разобличению тех бед и тех зол, которые должны вывести, наконец, народ из терпения и побудить его к поголовному восстанию» [Нечаев, 1869]. Иными словами, чтобы *спасти народ, необходимо делать ему как можно хуже*. Подобная логика основана на том, что революционные силы слабы и не могут бороться с режимом без использования поддержки народных масс, которые весьма сложно побудить к каким-либо действиям, а потому и допускается такое извращение первичной установки на благо. Но, принимая во внимание место и значение разрушения во всей системе, о чем было написано выше, можно заметить, что идея народного счастья и блага полностью затмевается и уходит на второй план. Вроде бы самая общая цель – это благо народа, но с другой стороны, главная цель – это разрушение. Подмена первого вторым происходит так естественно и незаметно, что невозможно определить момент, когда же добро стало злом и наоборот. Разрушение и следование ему становятся концептуальным центром, который втягивает в себя все силы и все ветви всякой сторонней мысли. Акценты расставлены таким образом, что народное благо, в общем-то, и не имеет никакого значения в системе «Катехизиса революционера», оно там – отголосок случайного элемента. Таким образом, неожиданно средство становится целью, а первоначальная цель уже практически полностью забыта. Из чего мы можем заключить, что особенностью «Катехизиса революционера» есть *парадоксальное замещение ценности общего блага ценностью тотального разрушения*.

Похожая ситуация происходит и с оппозицией всеобщее равенство – жесткая иерархия. Вроде бы, существующий строй ужасен именно в силу собственной иерархичности, в счастливом же обществе – все равны, но, с другой стороны, – вся революционная организация должна быть построена на основе строжайшей иерархической лестницы. Это можно считать одной из излюбленных тем Нечаева, поскольку, что бы он ни писал, что бы ни организовывал, везде она проявлялась: его пропитаны «Катехизис революционера», «Общие правила организации», «Общие правила сети для отделения», а также общество «Народная расправа» и прочие всевозможные комитеты и организации, придумываемые Нечаевым. В небольшом тексте «Катехизиса революционера» помещено целых три иерархичные структуры: градация революционеров, разбивка существующего общества на категории, а также распределение женщин по разрядам. И читая следующее: «У каждого товарища должно быть под рукою несколько революционеров второго и третьего разрядов, то есть не совсем посвященных. На них он должен смотреть, как на часть общего революционного капитала, отданного в его распоряжение. Он должен экономически тратить свою часть капитала, стараясь извлекать из него наибольшую пользу» [Нечаев, 1869] или же: «Все это поганое общество должно быть раздроблено на несколько категорий. Первая категория – неотлагательно осужденных на смерть...» [Нечаев, 1869], возникают сомнения, что основная цель всего этого – равенство и свобода людей.

Конечно, власть борется с революционерами организованно и целенаправленно, а потому неудивительно, что революционные движения стремятся к организации и

цельности, прибегая при этом иногда и к иерархическому делению, как минимум в целях конспирации. Но «Катехизис революционера» настолько пронизан нисходящими лестницами разрядов, что они вытесняют всякую установку на равенство. Просчитано все: кому и что знать, кому и как действовать и даже кому жить, а кому умирать. На практике же это обычно реализовывалось еще более странно: Нечаев прикрывался авторитетнейшим Комитетом, которого попросту не существовало, а все ключевые решения принимал самостоятельно. Вот как пишет об этом Ф. М. Лурье: «Творец “Народной расправы” никакого Комитета создавать и не собирался. Зачем с кем-то делить власть? Он был столь уверен в себе, что не нуждался ни в чьих советах и помощи. Поэтому состав Комитета Нечаев окружил непроницаемой таинственностью. Пожалуй, это единственный случай, и не только в российской истории. Ни один диктатор не решился на такое. Быть может, перед нами самый страшный властолюбец, включая всех восточных и западных тиранов и деспотов, когда-либо существовавших» [Лурье, 2001]. Из этого можно заключить, что даже тираны, действия которых совсем не предполагают равенства, уступают здесь неистовой властности борющегося с несправедливостью Нечаева. Таким образом, можно говорить, что *идея равенства полностью замещается идеей строжайшей иерархии*. И как в случае с народным благом и разрушением – средство становится на место цели, окончательно истребляя последнюю.

В-третьих, «Катехизис революционера» является уникальным образцом *крайнего нигилизма и цинизма*, аналогов которому найти нелегко, ведь даже макиавеллизм на его фоне смотрится неубедительно. Вот, например, отрывок, обрисовывающий краткий портрет настоящего революционера: «Он в глубине своего существа, не на словах только, а на деле, разорвал всякую связь с гражданским порядком и со всем образованным миром, и со всеми законами, приличиями, общепринятыми условиями, нравственностью этого мира. Он для него – враг беспощадный, и если он продолжает жить в нем, то для того только, чтоб его вернее разрушить» [Нечаев, 1869]. Можно заметить, что степень отрицания доведена здесь до предела: совершается даже не жесткий отбор, а полнейшее неприятие вообще всего, что только есть. Вся система сводится к крайнему фанатизму, можно даже сказать *безумию*, ведь утрачены любые ценности, кроме ценности низвержения всяких ценностей. Очень точно удалось передать подобную жестокость и фатальность Ф. М. Достоевскому в словах Петра Верховенского обращенных к Ставрогину: «Я ведь мошенник, а не социалист, ха-ха! Слушайте, я их всех сосчитал: учитель, смеющийся с детьми над их богом и над их колыбелью, уже наш. Адвокат, защищающий образованного убийцу тем, что он развитее своих жертв и, чтобы денег добыть, не мог не убить, уже наш. Школьники, убивающие мужика, чтоб испытать ощущение, наши. Присяжные, оправдывающие преступников сплошь, наши. Прокурор, трепещущий в суде, что он недостаточно либерален, наш, наш. Администраторы, литераторы, о, наших много, ужасно много, и сами того не знают! <...> Но одно или два поколения разврата теперь необходимо; разврата неслыханного, подленького, когда человек обращается в гадкую, трусливую, жестокую, себялюбивую мразь, – вот чего надо! А тут еще “свеженькой кровушки”, чтоб попривык» [Достоевский, 1993, с. 407–408]. Если говорить о Нечаеве, то вряд ли его можно назвать социалистом, ведь, наверное, социалист тогда социалист, когда начинает нечто строить. Нечаев же – во всех отношениях разрушитель. Мошенником же его представить можно, ведь не зря многие из знавших Нечаева считали его тайным сыщиком и агентом полиции из-за его обманов и махинаций, которые компрометировали не только отдельных лиц, но и вообще всякое революционное движение. Подобная система настолько парадоксальна, что не жалеет ни «своих», ни «чужих»: все превращается в вихрь хаоса и деструкции, где не действуют уже никакие законы.

Но было бы еще полбеда, если бы все это не имело невероятно мощной притягательной *эстетической* силы. Не было бы это так опасно, если бы не вовлекало в себя со страшной силой. И только ли это касается малообразованных, только ли слабых? – Вот вопрос, который представляется здесь ключевым и ответить на

который не так-то просто. Вот слова самого Достоевского: «Да неужели же вы вправду думаете, что прозелиты (приверженцы. – С. Г.), которых мог бы набрать у нас какой-нибудь Нечаев, должны быть непременно лишь одни шалопаи? Не верю, не все; я сам старший “нечаевец”, я тоже стоял на эшафоте, приговоренный к смертной казни, и уверяю вас, что стоял в компании людей образованных. Почти вся эта компания кончила курс в самых высших учебных заведениях. Некоторые впоследствии, когда уже все прошло, заявили себя замечательными специальными знаниями, сочинениями. Нет-с, нечаевцы не всегда бывают из одних только лентяев, совсем ничему не учившихся» [цит. по: Лурье, 2001]. Да, можно возразить, что петрашевцы и нечаевцы это далеко не одно и то же, что их совершенно не следует смешивать и даже сравнивать, но вот снова слова самого Достоевского: «Почему же вы знаете, что петрашевцы не могли бы стать нечаевцами, то есть стать на нечаевскую дорогу, в случае если б так обернулось дело? Конечно, тогда и представить нельзя было: как бы это могло так обернуться дело? Не те совсем были времена. Но позвольте мне про себя одно сказать: Нечаевым, вероятно, я бы не мог сделаться никогда, но нечаевцем не ручаюсь, может и мог бы <...> во дни моей юности» [цит. по: Лурье, 2001]. Подобные же слова трудно как-либо парировать, их можно только брать или не брать в расчет.

Добавить к этому следует, что достаточно сложно, исследуя подобные исторические ситуации и подобных Нечаеву личностей, избегать таких когнитивных искажений как *предвзятость подтверждения* и *знания задним числом*. Так или иначе, они неизбежно проявят себя, ведь мы хорошо знаем, что Достоевский не стал нечаевцем, а Нечаева принято воспринимать лишь как недостаточно образованного (часто обзываемого «недоучкой») фанатика. Это весьма удобно и найти под это обоснования весьма просто. Указанные же слова Достоевского ломают подобную логику: выходит, что «бесы» не находятся исключительно в людях, лишенных образования, а самые страшные и опасные из них способны, может быть, оказаться как раз в высокообразованных, талантливых и исключительно одаренных людях? Было же в Нечаеве что-то, что заставляло стольких людей верить ему, следовать за ним, подчиняться его воле. Неутомимая энергия, преданность собственным убеждениям, практически магическое умение влиять на людей, стойкость и мужество – все это покорило не только Бакунина и Огарева, но и многих других (в том числе ему удалось, будучи узником Алексеевского рavelина, находясь под жесточайшим контролем, склонить охраняющих его стражников к оказанию ему помощи и содействия): «Привычно он, ночуя у нас, – вспоминал Кузнецов, – спал на голых досках, довольствовался куском хлеба и стаканом молока, отдавая работе все свое время» [Лурье, 2001]. Конечно, сложно определить в противоречивой фигуре Нечаева непосредственно его настоящие черты, отделить их от маски. Можно говорить, что он специально стремился произвести подобное впечатление, и, вероятно, это так и было, но вряд ли можно отрицать тот факт, что он не был предан тому, что делал. Ведь все сведения, которые остались о его жизни, указывают на его бесконечную активность и непрекращающуюся деятельность, а потому можно утверждать, что *самым преданным из нечаевцев оказался сам Нечаев*: он потратил всю свою жизнь, всего себя на выбранное им дело.

И тут остается один вопрос: почему же именно подобное дело выбирается делом всей жизни? Вопрос этот труден и обращает внимание на всю сложность и неоднозначность как «Катехизиса революционера», так и самого Нечаева и нечаевцев. Возможно, ответ на него стоит искать не в деталях и конкретных персоналиях, а смотреть шире, пытаться проникнуть в глубины народной ментальности, в общие черты культуры, что прекрасно удастся Н. А. Бердяеву: «Француз – догматик или скептик, догматик на положительном полюсе своей мысли и скептик на отрицательном полюсе. Немец – мистик или критицист, мистик на положительном полюсе и критицист на отрицательном. Русский же – апокалиптик или нигилист, апокалиптик на положительном полюсе и нигилист на отрицательном полюсе. Русский случай – самый крайний и самый трудный.

Француз и немец могут создавать культуру, ибо культуру можно создавать догматически и скептически, можно создавать ее мистически и критически. Но трудно, очень трудно создавать культуру апокалиптически и нигилистически. <...> Апокалиптическое и нигилистическое самочувствие свергает всю середину жизненного процесса, все исторические ступени, не хочет знать никаких ценностей культуры, оно устремляет к концу, к пределу. <...> Нелегко бывает решить, почему русский человек отрицает государство, культуру, родину, нормативную мораль, науку и искусство, почему требует он абсолютного обнищания: из апокалиптичности своей или нигилистичности своей. Русский человек может произвести нигилистический погром, как погром апокалиптический; он может обнажиться, сорвать все покровы и явиться нагишом, как потому, что он нигилист и все отрицает, так и потому, что он полон апокалиптических предчувствий и ждет конца мира» [Бердяев, 1918]. Как же хорошо эти слова переносятся на Нечаева и нечаевцев, отображая самую их внутреннюю суть! Но также насколько метко и удачно обозначены черты, которые часто явственно обнаруживаются и в наше время на всем постсоветском пространстве! Нисколько не устарели размышления Бердяева, а может даже стали еще более значимыми и актуальными. *Ведь если нигилизм и цинизм так притягательны, если образованность способна не только избавлять от них, но и вовлекать в них, если безобразное может быть эстетичным, а разрушение приобретает форму философской системы, то не попадаем ли мы туда, где уже давно все позволено? И не будет ли вновь и вновь возникать в истории неутомимый Нечаев, ведущий человека по опасному пути предельного разрушения? И не есть ли предельность и нигилизм в форме самых извращенных теорий и практик нашим вечным возвращением?*

Рассмотрев ключевые особенности философии разрушения, заключенной в «Катехизисе...», можно обратиться к проблеме определения его природы, а именно – к вопросу о его *текстуральности* и *действенности*.

Изначально следует отметить, что невозможно исследовать «Катехизис революционера», не обращаясь при этом к жизни и деятельности Нечаева. Ведь, по сути, единственный кто следовал программе «Катехизиса...» в полной мере – это сам Нечаев. И важно здесь то, что *философия разрушения – это в первую очередь не слово, а действие*. Нечаев больше влиял, компрометировал, обманывал, пантажировал, учреждал, составлял, организовывал, чем вел литературную работу. Журналы «Народная расправа», «Колокол» (те номера, которые выпускал Нечаев после смерти Герцена), а также «Катехизис революционера», «Общие правила организации», «Общие правила сети для отделения» и прочее, были в меньшей степени литературой и в большей – определенным жестом, актом, рывком. Вся словесность Нечаева обладает *перформативностью* (перформативность используется здесь в широком значении без строгой привязки к концепции Джона Остина и представляется как связанность текста и действия, как их слияние в одно целое): его журналы направлены не на теоретизирование или размышления, а на вызов эмоций, и имеют форму призывов к действиям, большинство же его документов – это уставы, созданные для кружков, организаций, комитетов, где указано, как следует действовать. Из чего вытекает, что литература для него представлялась явным инструментом, не имеющим без действия никакого значения. Непосредственно литературу он не любил, даже, можно сказать, презирал за ее отвлеченность от жизни (но не стоит забывать, что в юности он достаточно много занимался и стал учителем церковно-приходской школы, а будучи уже узником Алексеевского рavelина, перечитал всю тюремную библиотеку и постоянно требовал получения новых книг, а также писал заметки, наброски, вел конспекты прочитанного, создавал различные, позже отнятые у него и уничтоженные, очерки: «Впечатления тюремной жизни», «Письма из Лондона», «Политические думы», «О задачах современной демократии» и др.). «Помимо писем, – вспоминал Сажин, – в архиве Нечаева оказалось около 200 или 150 карточек. На одной стороне карточки стоял шифр – это были имя и фамилия лица, на другой же приводилась довольно полная характеристика этого лица, причем указывались все отличительные черты его характера; и в результате делался вывод – на какую деятельность способно это лицо» [Лурье, 2001]. Только из этого

указання видно, що Нечаєв тем не менше приміняв все свої можливі навички (літератора, психолога і пр.) для дела, не жалея сил і часу. Он був весь в жажді діяння, ймовірно, навіть більше, ніж відомий власною пылкістю к практиці Бакунін. А тому можуть ли бути сведені його небагато численні сочинення к одній лиш тільки текстувальності, котрої-то они власне і не принадлежать в повній мірі («не хочуть принадлежать»)? Ймовірно, що сводить их к ній буде ошибкою. Самий же яркий і значимий текст Нечаєва – це «Катехизис революціонера», а тому к нему це відноситься в першу чергу.

Говоря о «Катехизисе...», необхідно вказати, що виявляється он изначально как действие: дає о себе знати через непосредственные последствия философии разрушения реализуемой Нечаєвым на практиці. Его виявляють лиш тільки во время расследования дела нечаєвцев, находя сначала зашифрованный текст, а позже – ключ к нему. «Вполне возможно, что политические деятели на протяжении всей истории думали именно так (“смотреть на других как на часть общего революционного капитала, отданного в их распоряжение”. – С. Г.), но никогда не решались сказать об этом вслух. Во всяком случае, до Нечаєва никто из революционных вожаків не рискнул открыто провозгласить этот принцип. Ни одна из революцій до той поры не осмелилась заявить в первых же строках своих скрижалей, что человек – это всего лишь слепое орудие» [Камю, 2014, с. 319], – пише Альбер Камю. Человек и человеческая жизнь оказываются всего лишь средством, что делает «Катехизис...» действительно уникальным, учитывая, что все это перетекало с бумаги в жизнь. Что же касается открытости, то здесь нельзя согласиться с Камю, ведь, как известно, «Катехизис...» не был открыт публичной печатью, и никто даже из приближенных к Нечаєву его не читал. «Нечаєв опасался, что после знакомства с “Катехизисом...” некоторые члены “Народной расправы” могут пожелать покинуть сообщество. Достоверно известен лишь один человек, которому Нечаєв давал читать свой “Катехизис...”, – Бакунін, высказавший, быть может, не вполне искренне, отрицательное к нему отношение» [Лурье, 2001]. Отсюда мы можем сделать вывод, что Ф. М. Лурье все же предполагает именно Нечаєва, а не Бакуніна, автором «Катехизиса...», а также, что «Катехизис...» – не просто не открытый, а строго секретный документ.

«Члены “Народной расправы” заявили на суде, что “Катехизиса...” не читали, и это была правда: Нечаєв лишь пересказывал некоторые его параграфы. “Если задаться вопросом, – заявил Спасович, защищая Кузнецова, – почему этот катехизис, столь старательно составленный, никому не читался, то надо прийти к заключению, что не читался он потому, что если бы читался, то произвел бы самое гадкое впечатление...”» [Лурье, 2001], – действовал по нему только сам Нечаєв, для многих же революционеров его приемы и методы были недопустимы, а потому Нечаєву приходилось давить на них, шантажировать, обманывать и всеми силами втягивать в свое дело. И ему это действительно удавалось: с кого-то ему получалось взять расписки в верности «Народной расправе», у кого-то выкрасть письма и документы, кого-то запутать или запугать, а кого-то убедить и загипнотизировать собственной харизмой. Главное же – это совершение убийства, которое полностью вписывается в логику «Катехизиса...»: в рамках философии разрушения это один из методов, а потому, если быть верным собственным идеям, то необходимо и быть готовым применять их на практиці, что и совершил Нечаєв. Повод же для этого был – «Народная расправа» нуждалась в сплоченности, должно было быть что-то, что сделало бы ее цельной и прочной, а что может быть более соединяющим, чем общее преступное дело? С одной стороны, «Народная расправа» начнет соответствовать своему названию, обозначит собственную предельность и действенность, а с другой – окрепнет, обретет связь. Именно здесь и рождается на самом деле «Катехизис революціонера»: *только когда совершается убийство Иванова, он начинает свое подлинное существование*. Не будь убийства, не было бы и дела нечаєвцев, а не будь его, то, возможно, и не был бы «Катехизис...» раскритикован и известен нам сегодня. Но даже не это

важно, а то, что текстуальность имеет здесь форму *смертельной перформативности*, а «Катехизис революционера» выступает как *текст-убийца*. Иначе говоря, мы не можем отделить текст «Катехизиса...» от убийства Иванова, а убийство Иванова от текста «Катехизиса...». По большому счету, именно «Катехизис...» дает смерть Иванову. Философия разрушения развертывается непосредственно в жизни – все происходит как по написанному: не совсем посвященные помогают убить вредного для успеха революционного дела человека, отвергая всякие нравственные устои общества. Буквально – это чистое действие, но стоит за ним вполне определенная программа, которая его побуждает.

Здесь снова можно сравнить «Катехизис...» и прокламацию Каракозова «Друзьям-рабочим!»: последняя также выступает как текст-убийца, ведь она есть часть покушения на монарха, составляющая с событиями, произошедшими у ворот Летнего сада, единое целое. Мы не можем просто закрыть глаза на то, как Каракозов объясняет собственные действия, и, следовательно, устранить из поля покушения эту прокламацию. С другой стороны, без его непосредственных действий сама прокламация была бы не более чем просто текстом, который не выходит за свои пределы. Только прокламация «Друзьям-рабочим!» имеет *открытый формат*, она ничего не скрывает, не действует окольными путями, в отличие от *закрытого* и *тайного* «Катехизиса...».

Но, как бы мы не говорили о значимости действенности в рамках «Катехизиса революционера», его неразрывности с поступками Нечаева и убийством Иванова, а также вплетенности его в историческую ткань, не следует забывать, что сейчас «Катехизис...» – это культурный артефакт. Как бы там ни было, это в любом случае текст – со своими уникальными особенностями и свойствами. И, пожалуй, самое главное, что можно обозначить как его отличительную особенность в сравнении с той же прокламацией «Друзьям-рабочим!» – это его цельный обобщающий философский характер, который был рассмотрен выше. Если «Друзьям-рабочим!» – это все-таки во многом переживания отдельного человека, его эмоция, то «Катехизис...» есть последовательно развертывающаяся программа и система, функционирующая на метафизическом и экзистенциальном уровнях. Иными словами, именно «Катехизис революционера» содержит в себе философию разрушения как планомерную стратегию, которая может быть перенята, использована и сейчас. Это сплав текстуальности, обладающей общепризнанным философским характером (в которой присутствует доведение революционной логики до ее границы, что является исключительным и значимым на теоретическом уровне), а также исторической непосредственной действенности (которая демонстрирует внетекстуальную, практическую сторону этой философии). Таким образом, можно говорить, что «Катехизис революционера» – это философия разрушения, развертывающаяся одновременно как *слово* и как *действие*. Следовательно, все противоречия и опасности, которые несет в себе «Катехизис...», – это как общетеоретические парадоксы, так и практические проблемы, которые не могут быть проигнорированы. То есть можно заключить, что «Катехизис революционера» – это, с одной стороны, текст-убийца, который мы должны рассматривать в связи с последствиями реализации его положений, а с другой – это бомба замедленного действия, поскольку он до сих пор не теряет своей значимости, выступая как мощный культурный артефакт, таящий в себе потенциал для будущих воплощений.

Подводя итоги, необходимо обозначить, что «Катехизис революционера» можно рассматривать как философский текст на основании наличия в нем метафизических и экзистенциальных аспектов. Если же обратиться к его содержанию, то его можно представить как цельную и уникальную философию разрушения, основными чертами которой являются: ориентация на практику (отказ от теоретизирования в пользу действия «здесь и сейчас»), подмена цели средством (замещение ценности общего блага тотальным разрушением и парадоксальность борьбы за равенство путем формирования жесткой иерархии), а также крайний этический нигилизм и цинизм. Кроме того, следует отметить,

что «Катехизис революционера» выходит за рамки текстуальности, поскольку имеет непосредственное отношение к практическим действиям Нечаева и нечаевцев, среди которых – убийство человека. Поэтому его также можно обозначить как текст-убийцу, философия разрушения которого представляет собой сплав текстуальности и действенности, что говорит о ее двойственной природе. Из этого вытекает актуальность и востребованность изучения «Катехизиса революционера», который выступает мощной проблемной точкой как в теоретической плоскости (в силу своей парадоксальности и предельности), так и в области потенциальных угроз, связанных с его возможными практическими применениями.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- Бакунин М. Письмо к С. Г. Нечаеву [Электронный ресурс]. 1989. URL: http://az.lib.ru/b/bakunin_m_a/text_0070.shtml.
- Бакунин М. Реакция в Германии [Электронный ресурс]. 1842. URL: <http://knowledge1871.narod.ru/Anarhism/Bakunin/ReactionInGermany.htm>.
- Бакунин М. Революционный катехизис [Электронный ресурс]. 1866. URL: <http://ak-protest.narod.ru/revolytkatexiz.htm>.
- Бердяев Н. Духи русской революции [Электронный ресурс]. 1918. URL: <http://www.vehi.net/berdyayev/duhi.html>.
- Гроссман Л. Достоевский. Жизнь замечательных людей: серия биографий. Вып. 24 (357). М.: Молодая гвардия, 1963. 544 с.
- Достоевский Ф. М. Бесы / авт. вст. ст. Б. Н. Тарасов. М.: Современник, 1993. 638 с.
- Заичневский П. Молодая Россия [Электронный ресурс]. 1862. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/molrus.htm>.
- Камю А. Бунтующий человек / пер. с фр. Е. Головиной. М.: АСТ, 2014. 511[1] с.
- Каракозов Д. Другьям-рабочим! [Электронный ресурс]. 1866. URL: <http://historyussr.tumblr.com/post/159196245450/прокламация-другьям-рабочим>.
- Лурье Ф. Нечаев: создатель разрушения. Жизнь замечательных людей: серия биографий. Вып. 802. М.: Молодая гвардия, 2001. 434[14] с.
- Нечаев С. Катехизис революционера [Электронный ресурс]. 1869. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/nechaev.htm>.
- Пирумова Н. Бакунин М. Жизнь замечательных людей: серия биографий [Электронный ресурс]. Вып. 1 (477). М.: Молодая гвардия, 1970. 400 с. URL: <http://oldcancer.narod.ru/anarchism/Bakunin/NMP1970-Cont.htm>.

Гончаров Семен Алексеевич

студент магистратуры, кафедра теоретической и практической философии
имени профессора И. Б. Шада

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

площадь Свободы, 6, Харьков, 61022

E-mail: Sementulpanov@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8116-0804>

Статья поступила в редакцию: 27.09.2018

Утверждена к печати: 09.11.2018

ФІЛОСОФІЯ РУЙНУВАННЯ: «КАТЕХІЗИС РЕВОЛЮЦІОНЕРА» – ТЕКСТ-ВБИВЦЯ

Гончаров Семен Олексійович

студент магистратури, кафедра теоретичної і практичної філософії
імені професора І. Б. Шада

Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна

майдан Свободи, 6, Харків, 61022

E-mail: Sementulpanov@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8116-0804>

У статті проводиться філософський аналіз «Катехісису революціонера» у світлі його парадоксальності та нігілістичної граничності, котрі, виливаючись у систему практичних дій С. Г. Нечаєва, привели до вбивства студента Іванова. У зв'язку з цим актуальними стають виявлення філософського фундаменту «Катехісису революціонера», а також виявлення його природи у площині текстуальності та дієвості. Автор статті пропонує розглянути «Катехісис революціонера» як філософський текст на підставі наявності в ньому положень, що мають метафізичні та екзистенціальні аспекти. Водночас автор виділяє такі його ключові особливості: орієнтація на практику (відмова від теоретизування на користь дії «тут і зараз»), підміну цілі засобом її досягнення (заміщення цінності загального блага тотальним руйнуванням і парадоксальність боротьби за рівність шляхом формування жорсткої ієрархії), а також крайній етичний нігілізм і цинізм. Все це дозволяє позначити автору ідейний фундамент «Катехісису революціонера» як цілісну й послідовну філософію руйнування. Крім того зазначена філософія розглядається у контексті свого безпосереднього втілення, реалізованого С. Г. Нечаєвим: брехні, шантажу, компрометації, а головне – вбивства. Автор статті робить висновок, що неможливо досліджувати «Катехісис революціонера» у відриві від фактичних наслідків здійснення його філософії, а тому не можна говорити лише про його текстуальну природу, відсторонену від безпосереднього життя. Замість цього його слід розглядати як сплав текстуальності та дієвості, яка безпосередньо трансформує буття і впливає на життя людей. Таким чином, «Катехісис революціонера» представляється автором статті як текст-вбивця, що складається з філософії руйнування, з одного боку, і його втілення в дійсність – з іншого. Подібний підхід дозволяє не лише комплексно дослідити природу «Катехісису революціонера», але й визначити ряд небезпек, які містить у собі філософія руйнування.

Ключові слова: філософія руйнування, текст-вбивця, нігілізм, революція, дія, цинізм.

Стаття надійшла до редакції: 27.09.2018

Схвалено до друку: 09.11.2018

THE PHILOSOPHY OF DESTRUCTION: “CATECHISM OF A REVOLUTIONARY” IS KILLER-TEXT

Goncharov Semen A.

Graduate Student, Department of Theoretical and Practical Philosophy
named after Professor J. B. Schad

V. N. Karazin Kharkiv National University
6, Svobody sqr., 61022, Kharkiv, Ukraine

E-mail: Sementulpanov@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8116-0804>

The article presents a philosophical analysis of the “Catechism of a Revolutionary” in the light of its paradoxically and nihilistic boundedness which resulted in the system of practical actions of S. G. Nechaev, led to the murder of student Ivanov. In this connection the identification of the philosophical foundation of the Catechism of a Revolutionary becomes relevant, as well as the definition of its nature in the scale of textuality and effectiveness. The author proposes to consider the “Catechism of a Revolutionary” as a philosophical text on the basis of the presence of metaphysical and existential aspects in the article. At the same time, the author highlights such key features: a focus on practice (rejection of theorizing in favour of the action “here and now”), substitution of purpose by means (replacing the value of the public weal with total destruction and the paradox of the struggle for equality through formation of a rigid hierarchy), as well as extreme ethical nihilism and cynicism. All these premises allow the author to designate the ideological foundation of the “Catechism of a Revolutionary” as a holistic and consistent philosophy of destruction. In addition, this philosophy is considered in the context of its direct embodiment, implemented by S. G. Nechaev: lie, blackmail, compromising, and most importantly – murder. The author of the article concludes that it is impossible to explore the “Catechism of a Revolutionary” apart from the actual consequences of the implementation of his philosophy, and therefore one cannot speak only of his textual nature, detached from the real life. Instead, it should be considered as a fusion of textuality and effectiveness, which directly transforms being and affects people’s lives. Thus, the “Catechism of a Revolutionary” is presented by the author as a killer-text,

consisting of a philosophy of destruction on the one hand and its embodiment into reality on the other. Such an approach allows not only to comprehensively explore the nature of the “Catechism of a Revolutionary”, but also to identify a number of dangers that the philosophy of destruction bears inside.

Keywords: philosophy of destruction, killer-text, nihilism, revolution, action, cynicism.

REFERENCES

- Bakunin, M. (1989). *Letter to S. G. Nechayev*. Retrieved from http://az.lib.ru/b/bakunin_m_a/text_0070.shtml. (In Russian).
- Bakunin, M. (1842). *Revolutionary catechism*. Retrieved from <http://knowledge1871.narod.ru/Anarchism/Bakunin/ReactionInGermany.htm>. (In Russian).
- Bakunin, M. (1866). *The Reaction in Germany*. Retrieved from <http://ak-protest.narod.ru/revolytkatexiz.htm>. (In Russian).
- Berdyayev, N. (1918). *Spirits of the Russian Revolution*. Retrieved from <http://www.vehi.net/berdyayev/duhi.html>. (In Russian).
- Camus, A. (2014). *The Rebel*. (E. Golovina, Trans.). Moscow: AST. (Original work published 1951). (In Russian).
- Dostoevsky, F. M. (1993). *Demons*. Moscow: Sovremennik. (Original work published 1871–1872). (In Russian).
- Grossman, L. (1963). *Dostoevsky. Life of Great People: Series of Biographies* (Vol. 24/357). Moscow: Molodaya gvardiya. (In Russian).
- Karakozov, D. (1866). *To Friends-Workers*. Retrieved from <http://historyussr.tumblr.com/post/159196245450/прокламация-друзьям-рабочим>. (In Russian).
- Lurie, F. (2001). *Nechayev: Creator of Destruction. Life of Great People: Series of Biographies* (Vol. 802). Moscow: Molodaya gvardiya. (In Russian).
- Nechayev, S. (1869). *Catechism of Revolutionary*. Retrieved from <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/nechayev.htm>. (In Russian).
- Pirumova, N. (1970). *Bakunin M. Life of Great People: Series of Biographies* (Vol. 1/477). Moscow: Molodaya gvardiya. Retrieved from <http://oldcancer.narod.ru/anarchism/Bakunin/NMP1970-Cont.htm>. (In Russian).
- Zaichnevskiy, P. (1862). *Young Russia*. Retrieved from <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/molrus.htm>. (In Russian).

Article arrived: 27.09.2018

Accepted: 09.11.2018